

«Социальное предвидение в управлении: феномены, формы, проблемы»¹.

Как справедливо отметил основатель московской школы социального прогнозирования И.В. Бестужев-Лада, будущее в социальной практике можно предсказать, предвосхитить, предугадать. Вместе с тем, его можно также прогнозировать, проектировать, планировать, программировать. По отношению к будущему можно ставить цели и принимать организационные решения [1, с. 94]. Однако, все названные подходы, как правило, рассматриваются в контексте единого категориального ряда, без должного понимания, что каждое из действий имеет собственные специфические особенности, смысловое содержание и методы реализации.

В теории познания общий термин, объединяющий все разновидности получения информации о будущем, характеризуется как предвидение и представляет собой некоторое опережающее отображение действительности, основанное на познании законов природы, общества и мышления. Оно направленно на определение явлений, относящихся к будущему или неизвестных в данный момент, но поддающихся выявлению и использованию в теории и практике управления.

Предвидение было присуще человечеству на всех этапах его существования. Начальные формы предвидения отражали донаучный опыт и методы предугадывания, что и сегодня проявляет себя в виде интуитивного, обыденного или религиозного. Научные же формы сложились лишь в XX веке. Отметим интересный парадокс: предвидение может быть отнесено к информации не только о будущем, но также и о настоящем, и даже о прошлом. Это, в частности, происходит, когда к еще непознанным явлениям прошлого и настоящего подходят с целью получения о них знания, как если бы они относились к будущему. В качестве примеров здесь могут быть названы такие виды предвидения, как: реконструктивное, реверсивное или имитационное, каждое из которых в той или иной

¹ 20 апреля 2010 г. в Государственном университете управления состоялся научный семинар, по результатам работы которого была опубликована статья (Социальное предвидение в управлении // Вестник университета (Государственный университет управления) / ГУУ, Р.В. Леньков. – М., № 9, 2010. – С. 48-51). Организатор и основной докладчик (доцент кафедры социологии и психологии управления Р.В. Леньков) раскрыл содержание и структуру научного предвидения в социальном управлении, рассматривая управление через алгоритм, последовательно развертывающиеся стадии, состоящий из – прогнозирования, проектирования, планирования и программирования. При этом социальное прогнозирование и проектирование были охарактеризованы им как ключевые, приоритетные, формы конкретизации социального предвидения, требующие теоретико-методологического осмысления их в виде социальных технологий управления.

В обсуждении доклада и работе научного семинара принимали участие профессора – Л.Д. Абрамова, В. И. Кондауров, Н. А. Куртиков, К. Э. Оксинайд, В. С. Румянцев, А. А. Шурус, доценты – А. В. Авилов, С. В. Борзов, В.В. Борисова, Л.В. Попова, И.В. Савченко и др.

мере оценивает ретроспективы явлений [1, с. 95]. Получается, что научное предвидение «отражает прошлое, включает настоящее и намечает будущее».

Особо следует отметить такую важнейшую функцию научного предвидения, как: предоставление информации о степени неопределенности различных неуправляемых параметров, влияющих на результаты управления с целью содействия научному обоснованию и оптимизации альтернативных решений в виде планов и программ.

Прежде чем переходить к рассмотрению собственно содержания и структуры социального предвидения в управлении, кратко охарактеризуем ключевые и системообразующие феноменологические составляющие и сопровождающие его эффекты. К ним, с нашей точки зрения, относятся: феномены социального времени, социальной перспективы, интуиции, эффекты футурофобии и Эдипа.

Феномен социального времени. Необходимо отметить, что время – это чрезвычайно сложное и разноплановое феноменологическое понятие. Оно связано со всем многообразием процессов внешнего и внутреннего мира, и определяется человеческой составляющей, а именно – сознанием. Социальное время – это не только последовательность событий, но и социальные явления, измеряемые, оцениваемые и переживаемые индивидом. Данный феномен перерастает рамки линейного хода событий и помогает с той или иной мерой полноты объяснять динамику социальных процессов, а также ориентироваться в них. Фактически социальное время отражает неразрывное единство социального субъекта и объекта, но вместе с тем существует в социальной практике в условно-относительной форме, которая возникает как результат контакта сознания и социальной реальности [3, с. 13-17].

Существует три образного состояния, или модуса, времени. Это – прошлое, настоящее и будущее. В целостном своем образовании они представляют единый пространственно-временной континуум. Каждый модус времени – это состояние объекта в его устойчиво качественной и функциональной определенности, которое охватывается сознанием человека и связано с некоторым интервалом длительности этого устойчивого состояния. Об этом образно говорит японский писатель Харуки Мураками: «Мы всегда вправе сказать: то, что с нами уже произошло, случилось как незыблемый факт; а то, что до сих пор не произошло, пока не случилось»; и далее, уточняя – «...мгновение, в которое мы единственно существуем, постоянно отсекает и отбрасывает назад все, оставляя нам вечный ноль перед носом».

Разрешение модусного парадокса социального времени, который проявляет себя в утверждении: прошлого – «уже нет», будущего – «еще нет», а настоящее – «неуловимо» (Августин Аврелий), в практике управления возможно методом вычленения системно-функциональных свойств времени. Иными словами – относительная степень развитости социальных явлений и процессов позволяет как бы «сдерживать» ход времени в настоящем, обеспечивая стабильность того или иного настоящего состояния, или «воссоздавать» прошлые и формировать «будущие» состояния объектов. Согласно системно-функциональной трактовки каждого модуса времени, человек и общество обладают воз-

возможностью перехода социальных состояний из системно-функционального настоящего в системно-функциональное прошлое и наоборот, причем не только в индивидуальном и общественном сознании, но также и в социальной практике. Фактически это позволяет признать принципиальную возможность социально-исторической обратимости, что имеет конкретно практическое значение в социальном управлении.

Феномен социальной перспективы. По определению Б.С. Сивиринова, социальная перспектива – это теоретическая абстракция, которая служит для обозначения перспективы не столько образа будущего, сколько единого, многомерного, динамического поля «социальной потенциальности», присущего любому социальному образованию. Она обладает временными, системно-пространственными и активными характеристиками и проявляет себя как целостное социально-системное явление [3, с. 12-14]. Активным компонентом социальной перспективы являются социальное знание и человек. Причем, абстрагирующая и интегрирующая функция человеческого сознания фиксирует все объекты окружающего мира в форме систем.

Социальная перспектива проявляет себя как результат инструментальной социальной практики и как реальность в единстве прошлого, настоящего и будущего в ее целостной направленности и потенциальной динамике. Она присуща не только микромасштабности социальной реальности отдельного индивида, но и имеет отношение к социальным целостностям мезо- и макромасштабности. Поэтому центрами локальной социальной перспективы могут (и должны) выступать социальные институты, территориальные общности или отдельные организации.

Общеизвестно, что существенной стороной социальной практики выступает управление. Отметим: сложность и многообразие социальных явлений и процессов требует в свою очередь соблюдения принципа многообразия и междисциплинарности управленческого решения. Поэтому социологическая теория является важным звеном в общей цепи механизма обратной связи управления, чем обеспечивает не только качество социально значимой информации, но и в значительной степени определяет адекватность принимаемых решений, то есть реализует потенциал активной организующе-синтезирующей функции. Необходимость синтеза организующей функции социологической теории и практики управления обусловлено также социальным содержанием управленческого труда. Фактически феномен социальной перспективы выступает методологической основой социального предвидения в управлении.

Несколько слов об обозначенных ранее эффектах и феномене интуиции в управлении.

Эффект футурофобии. На результаты социального предвидения оказывает значительное влияние известная инертность человеческого мышления, «боязнь» чересчур радикальных, с позиции ученого, выводов. Это собственно и есть психологический эффект футурофобии. Реально он заключается в том, что человеческая психика крайне раздражительно реагирует на любую «картину будущего», которая существенно отличается от настоящего. Такая картина вызывает, как правило, инстинктивно негативное отношение, и

в результате – будущее предстает лишь несколько идеализированным настоящим. Особо важно, что «футурофобия», как органическое неприятие человеком любого представления о качественно ином будущем, расходящемся с привычным настоящим, крайне негативно сказывается на социальном предвидении.

В контексте названного эффекта уместно будет напомнить знаменитый «Лондонский прогноз» развития гужевого транспорта, сделанный в 80-е годы XIX века на 50 (пятьдесят!) лет вперед. По нему выходило, что к 1930 году столица Англии должна была бы покрыться двухметровым слоем конского навоза, который лошади не успевали бы за собой вывозить [5, с. 12]. Предсказание не оправдалось. Это явилось следствием не только некорректного использования линейной экстраполяции имеющихся данных на дальнесрочную перспективу, но и следствием «боязни» предположить о «зарождении» многих технических и технологических инноваций, что кардинально изменило, по сути, ход развития событий и привело к появлению современных видов транспорта. Кроме того, здесь, по всей видимости, сыграло негативную роль скудность информированности ученых о транспортной сфере и тенденциях ее развития.

В этой связи хотелось бы кратко осветить **феномен интуиции** в социальном предвидении, как проявление и реальность человеческого сознания.

Обычно, интуицию определяют в качестве «высочайшего откровения», бессознательного постижения будущего при помощи подсознания. По своей природе она может быть иррациональна, основываясь на чувствах («чувственная» интуиция), или иметь рациональные основы умственной деятельности человека («интеллектуальная» интуиция). Назовем примеры «интеллектуальной» интуиции, инсайта (от англ. *insight* – понимание, озарение, внезапная догадка), связанные с многообразными пророчествами, имеющими место в разноплановой мыслительной практике, в частности, трудах – итальянского философа Пьетро Убальди, таких столпов мировой научной фантастики, как Жюль Верн и И. А. Ефремов, а также известных ученых: Архимеда, Иссака Ньютона, Жюля Пуанкаре, Д. И. Менделеева.

Но интуиция, как метод познания реальности, имеет ряд ограничений. Она может стать предрассудком, если, будучи эффективна в отношении одного социального явления, будет без должного осмысления перенесена на другие явления. Кроме того, она может превратиться в прожектерство, если не будет опираться на значительную информационную базу, переродиться в разновидность шарлатанства, оперирующего случайными, малосвязанными между собой сведениями, которое опирается на домыслы и вольно толкует попавшиеся под руку события [4, с. 411-412].

Знания о подобных ограничениях интуиции в социальном предвидении, безусловно, должны быть понимаемы руководителями разных рангов, поскольку несомненно, что интуиция используется ими (осознанно или неосознанно) в реальной практике решения оперативных и перспективных проблем, то есть – в управлении.

Эффект Эдипа. Общеизвестна трагедия Софокла о царе Эдипе, которая начинается со слов: «Не в том свобода человека, чтобы делать то, что он хочет, а в том, чтобы принимать на себя ответственность даже за то, чего он не хотел», и повествует о развитии событий, в основе которых было дано то или иное предсказание. Буквально, речь идет об эффекте, который относится к предсказанию хода развития событий. Его суть проявляет себя в том, что знание о будущем изменяет само будущее. Иными словами – в практике социального управления суждения о будущем, высказанные авторитетными экспертами, как правило, заставляют отнестись к ним серьезно, вдумчиво вслушаться и изменить глобальную стратегию на перспективу.

Рассматривая диалектику соотношения предвидения и управления уместно сформулировать ряд взаимосвязанных вопросов, в частности: Если давать «картину будущего» как прогноз-предсказание, описывающий образ объекта через несколько лет, то зачем тогда планирование? Достаточно просто ориентироваться на предсказание. И наоборот – если разработан план – зачем какие-то предсказания? Достаточно выработать пути решения перспективных проблем на основе заранее заданных критериев [1, с. 33-34]. Такое осмысление существующей обратной связи различной степени активности позволяет сделать принципиальный вывод о некорректности безусловного предсказания будущего состояния социальных явлений и процессов, поскольку они практически всегда поддаются видоизменению средствами управления, в том числе планирования – получается как бы саморазрушение или, напротив, самоосуществление предсказаний, причем, с учетом предсказанного. Данное обстоятельство обуславливает методологическую ориентацию социального предвидения на содействие повышению объективности принимаемых решений, как бы заблаговременно «взвешивая» их «будущие» последствия.

Здесь уместно напомнить результаты социального предвидения, которые было получены в рамках первого доклада Римскому клубу, подготовленному в начале 1970-х гг. XX века учеными под руководством Дениса Медоуса. Речь идет о нашумевшем докладе «Пределы роста».

Исследователями были выбраны несколько глобальных процессов, знаковых для человечества, после чего было смоделировано их взаимодействие посредством компьютерной модели. В качестве ключевых процессов в проектном исследовании были избраны: рост мирового народонаселения, рост промышленного производства и производства продовольствия, а также уменьшение минеральных ресурсов и рост загрязнения природной среды. Моделирование показало, что при существующих на тот момент времени темпах роста населения мира (свыше 2% в год, с удвоением за 33 года) и промышленного производства (в 60-х годах 5-7% в год с удвоением примерно за 10-14 лет) на протяжении первых же десятилетий XXI века минеральные ресурсы окажутся исчерпанными, рост производства прекратится, а загрязнение природной среды станет необратимым [1, с. 54].

Сегодня как раз то самое время. Возникает закономерный вопрос: Связано ли ненаступление предсказанных в докладе событий только порочностью глобального подхода и ошибочностью заложенного в модели экстраполяционного метода предвидения?

Или же ненаступление катастрофичности развития напрямую связано с тем самым «эффектом саморазрушения» предвидения средствами планирования на основе реализации отдельных положений концепции «нулевого роста»?

Формы социального предвидения. Как было отмечено ранее, предвидение – это некоторое опережающее отображение действительности, напрямую связанное с управлением. По мнению Анри Файоля, основателя административной (классической) школы управления: «Управлять – это предвидеть, а предвидеть – это уже почти действовать».

В практике социального управления предвидение имеет две формы конкретизации – форму предсказания, которой присущ описательный характер, а также сопряженную с ней форму предугадывания, которой присущ предписательный характер (см. рис. 1). Отметим здесь, что полнота предсказательной функции социологии, как социальной и поведенческой науки, реализует себя именно в синтезе названных форм: исследовательско-интерпретирующем (предсказательном) и реализационно-практическом (предугадательном) аспектах.

Охарактеризуем составляющие структуры социального предвидения.

Предсказательная форма подразумевает описание возможных или желательных перспектив, состояний и решений проблем будущего. Она фактически выливается в три формы конкретизации: предчувствие, предугадывание, прогнозирование.

Предчувствие (простое предвосхищение) содержит информацию о будущем на уровне интуиции человека, его подсознания, и связано обычно с ожиданием вероятностных событий.

Предугадывание (сложное предвосхищение) несет информацию о будущем на основе жизненного опыта, позволяющего делать более или менее верные догадки, который, вместе с тем, не основан на специальных научных исследованиях.

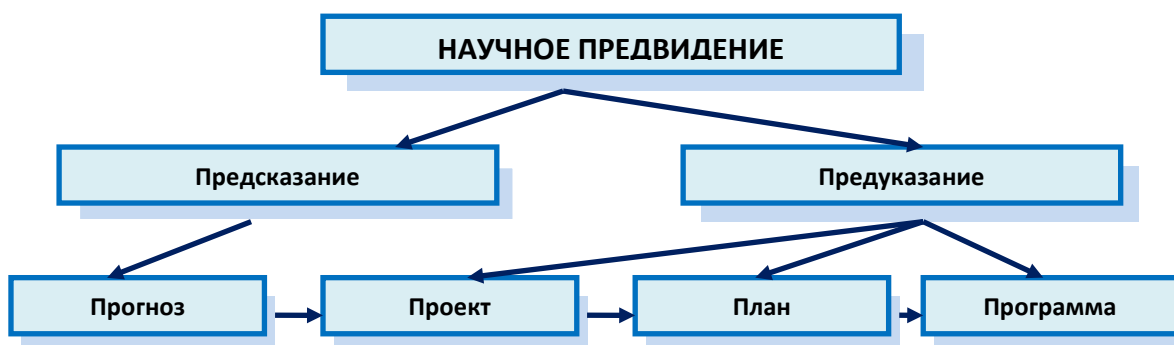

Рисунок 1. Структура научного предвидения в социальном управлении

Прогнозирование является специально организованным научным исследованием перспектив социальных явлений и процессов. Следует особо подчеркнуть, что социальный прогноз не ориентирован на безусловное утверждение о будущем; он определяет, на основе выявленных закономерностей, вероятностные параметры развития объекта, раскрывает варианты ситуаций, в которых тот окажется, либо дает информацию для обоснования решения и выбора возможных путей его развития в будущем. Таким образом, прогнозирование фактически выступает ключевой формой конкретизации предсказания и основой социального управления.

Предуказательная форма напрямую связана с решением проблем будущего, в ней обязательно присутствует волевое решение человека по достижению намеченных целей деятельности. Предуказание проявляет себя в пяти формах конкретизации – целеполагании, проектировании, планировании, плановом программировании, текущих управленческих решениях.

Под целеполаганием понимают установление идеально предположенного результата созидательной деятельности. Проектирование означает – создание конкретных прообразов предполагаемого будущего, которое отвечает желаемым свойствам. Планирование и программирование и в этом ряду понятий – это социальные проекции в будущее для достижения предустановленной цели при определенных средствах, предполагающие преобразование информации в некоторые директивные задания. Управление в целом как бы интегрирует все названные понятия. Вместе с тем, управленческие решения необязательно носят проектный, плановый или программный характер. Многие из них выступают как организационные и формально являются последней формой конкретизации предуказания.

С нашей точки зрения, ключевой формой конкретизации предуказания выступает проектирование. Его особенностью и преимуществом, по сравнению с планированием и программированием, является сочетание диагностического и нормативного подходов, отсутствие явного доминирования образа «должного» над диагнозом ситуации и реальной оценкой имеющихся ресурсов, излишней детализации целей, результатов и способов деятельности. Иными словами – проектное решение не имеет ярко выраженного директивного или отчетного характера, то есть не является нормативным документом в строгом смысле. Но, вместе с тем – разрабатывает модель «должного» будущего в соответствии с заданными ограничениями по времени, ресурсам и качеству конечных результатов; соотносит проблему с общим образом ее решения, допуская многовариантность в достижении целей; задает более обоснованные временные рамки решения проблемы, обусловленные характеристиками той или иной проблемной ситуации [2, с. 85].

Фактически проектирование – это технология, представляющая собой конструктивную, творческую, деятельность, сущность которой в единой своей совокупности составляют: выявление проблем, целеполагание и инструментализация (см. табл. 1). Данная технология и практическая реализация проекта в виде планов и программ представляют собой два встречных «потока» интеллектуальной деятельности. На практике процесс

окончательного оформления проектного решения требует необходимости мысленного воспроизведения субъектом проектирования как «прямого» алгоритма проектной деятельности, так и «обратной» последовательности развертывающейся системы действий (собственно – логики его реализации), что позволяет «конструировать» конечный результат, просчитать возможности и эффективность решения проблем посредством планируемых методов, с учетом имеющихся (или предполагаемых) ресурсов.

Таблица 1

Логика формирования и реализации проектного решения

Выявление проблем	Целеполагание		Инструментализация (методики и техники)		
Проблемы	Цели	Задачи	Методы (мероприятия и содержание деятельности)	Форма организации исполнителей	Ресурсы (средства)
<p>Развертывающаяся система действий Технология социокультурной деятельности Социальные планы и социальные программы</p>					

Следует сказать, что не только конструктивная фаза разработки проекта (инструментализация), но и целеполагание носит творческий, характер. Цель проекта, понимаемая как образ «желаемого», всегда выходит за рамки наличного состояния предметно-объектной области. Исходя из реальных социальных проблем, противоречий и ресурсов, она включает также и потенциальные возможности осуществления тех или иных социальных изменений.

В заключении обозначим некоторые приоритетные проблемы практической методологии, которые, с нашей точки зрения, связаны с дальнейшим развитием исследований по обеспечению эффективности социального предвидения в привязке, прежде всего, к социальному прогнозированию и проектированию, ключевым, как было отмечено, и приоритетным формами его конкретизации в управлении. Основными плановыми моментами здесь выступают: проведение методологического анализа и оценки применяемых методов социального прогнозирования, определение возможностей и ограничений каждого из них; теоретико-методологическое осмысление проектирования как социальной технологии и этапа социального управления, связывающего прогнозирование с планированием, его сущности, возможностей и методов применения; обоснование социального проектирования как вида проектирования, не имеющего самостоятельного значения, но, вместе с тем, обеспечивающего социальную приоритетность во всех управленческих решениях.

Литература

1. *Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А.* Социальное прогнозирование: Курс лекций. – М.: Педагогическое общество России, 2002.
2. *Курбатов В. И., Курбатова О. В.* Социальное проектирование. – Ростов н/Д: Феникс, 2001.
3. *Сивиринов Б. С.* Социальное время и перспектива: феноменология, функции, модульсы. – Новосибирск: Наука, 2000.
4. *Тощенко Ж. Т.* Социология. Общий курс. – М.: "Прометей" МГПУ, 2001.
5. *Третьяк В. П.* Форсайт в вопросах и ответах: Учебное пособие. – М.: ГУУ, 2007.

© Леньков Р.В., 2010